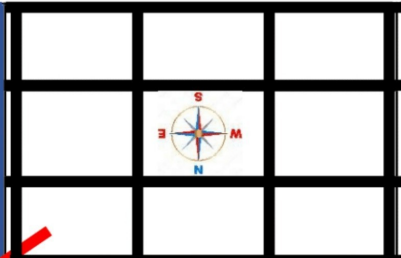
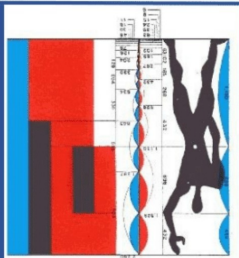

Кирилл Аксасский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР : ПЬЕСЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

X	X	0
	0	
0		X

Из жизни местного сообщества города Руград

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

16+

Кирилл Юрьевич Аксаский

Обычное дело

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39383499

SelfPub; 2018

Аннотация

Драма из жизни местного сообщества города Руград в двух действиях. Это первая пьеса автора. Он понимает, что в настоящее время вряд ли какой-либо российский театр решится ставить её на сцене. Но именно поэтому автор и начал писать пьесы для чтения: тем, кому надоел убогий современный репертуар российских театров, будет гораздо интереснее читать современные пьесы и ставить их в своём воображаемом театре для себя.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	8
Картина первая	9
Картина вторая	13
Картина третья	16
Картина четвёртая	20
Картина пятая	23
Картина шестая	27
Картина седьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Действующие лица

Медведев Владимир Васильевич, глава города (на освобождённой основе), депутат и председатель городской думы Руграда, 56 лет, член первой парламентской партии, член депутатского объединения «Любимый город», льготный пенсионер из правоохранительной системы.

Волков Михаил Владимирович, глава городской администрации Руграда, 53 года, член первой парламентской партии.

Иксов Евгений Геннадиевич, генеральный директор крупного частного ритейл-холдинга, беспартийный, 45 лет.

Навин Юрий Васильевич, пенсионер, беспартийный, 61 год.

Депутаты городской думы, члены депутатского объединения «Любимый город»:

Выдрина Татьяна Михайловна, директор средней школы, 43 года, член первой парламентской партии

Лисина Ангелина Николаевна, заведующая городской поликлиникой, 52 года, член первой парламентской партии

Норкина Ольга Матвеевна, предприниматель, владелец риэлтерской фирмы, 35 лет, член четвёртой парламентской партии

Рысина Ирина Максимовна, депутат и заместитель

председателя городской думы (на освобождённой основе), лидер депутатского объединения «Любимый город», председатель городского отделения первой парламентской партии, пенсионерка, 57 лет

Хорев Пётр Валерьевич, полковник в отставке, 62 года, член третьей парламентской партии

Филин Николай Константинович, генеральный директор федерального государственного предприятия, 44 года, член первой парламентской партии

Ястребов Павел Петрович, профессор федерального государственного высшего учебного заведения, 55 лет, член второй парламентской партии

Другие депутаты городской думы:

Воробьёв Константин Иванович, лор-врач городской поликлиники, 31 год, беспартийный

Журавлёв Сергей Сергеевич, капитан первого ранга в отставке, 65 лет, член третьей парламентской партии

Кукушкина Тамара Яковлевна, учительница начальных классов, 27 лет, беспартийная

Куропаткина Екатерина Прохоровна, пенсионерка, 62 года, член третьей парламентской партии

Рябчиков Олег Романович, киномеханик, 48 лет, беспартийный

Синицына Елизавета Александровна, предприниматель, владелец нескольких торговых предприятий в Руграде,

35 лет, член непарламентской партии

Сорокина Валентина Александровна, преподаватель
федерального государственного высшего учебного заведения,
29 лет, член непарламентской партии

Другие действующие лица:

Егор, сын Куропаткиной; мать Рябчикова; Митя, муж Сорокиной; Мила, жена Ястребова; Андрей, брат Хорева; Аня, дочь Журавлёва; Оксана, племянница Наивина; Вера, любовница Филина; Жанна, секретарь городской думы; охранник в СИЗО.

Организационное примечание для постановщиков спектакля

При проверке билетов на спектакль на входе в театр зрителям выдаётся бумажная карточка билетного размера следующего вида:

Лицевая сторона карточки

<p>ДА Итоги голосования см. завтра на: <i>адрес сайта театра</i></p>	<p>НЕТ Итоги голосования завтра на: <i>адрес сайта теа</i></p>
--	--

Оборотная сторона карточки

<p>Название театра</p> <p>К. Аксасский ОБЫЧНОЕ ДЕЛО</p> <p>Дата</p>	<p>Название театр</p> <p>К. Аксасский ОБЫЧНОЕ ДЕЛ</p> <p>Дата</p>
--	--

Действие первое

На заднике – силуэт Руграда (по желанию постановщика спектакля силуэт можно делать узнаваемым) с вмонтированными в него электронными часами, на которых цифры даты (в идеале это дата последней пятницы относительно дня показа спектакля) сменяются цифрами времени дня. Время дня меняется в реальном режиме, начиная с задаваемого в начале картины времени. Для первой картины это 13–15. Смена картин в действии происходит вращением поворотного круга планшета сцены на 180°.

До начала спектакля зрители видят на стене, разгораживающей поворотный круг наполовину, изображение лицевой стороны карточки, выданной им на входе в театр (ширина изображения равна диаметру поворотного круга, а высота определяется пропорционально). Спектакль начинается минутной увертюрой: сначала 10 секунд в обычном режиме бодро звучит музыкальная заставка к советской инфо-теле-программе «Время» (музыка Георгия Свиридова из сюиты «Время вперёд», время звучания в обычном режиме 30 секунд), которая потом всё замедляется и замедляется. Под эту увертюру поворотный круг вращается, открывая первую картину. Музыка окончательно останавливается одновременно с остановкой поворотного круга.

Картина первая

Отдельный кабинет в московском ресторане. За столом напротив друг друга Иксов и Волков. На столе бутылка «Хеннеси», легкие закуски, фрукты, безалкогольные напитки. Над столом в окне видны куранты на Спасской башне Кремля. На них 13–15. Стрелки на курантах движутся, как положено.

Волков (*протягивает через стол лист формата А4 с таблицей на нём*). Здесь, Евгений Геннадиевич, показаны расходы с рублёвой карточки с фамилиями получателей и соответствующими суммами. Им предоплату сделали ещё до принятия решения, потому что люди все проверенные, не подведут. Суммы всем одинаковые, чтобы никто не обижался. В конце концов, у каждого только один голос.

Иксов (*внимательно смотрит на Волкова, что-то дожжёвывает и запивает, но лист не берёт*). Ну, что Вы, Михаил Владимирович, это ни к чему в таких делах.

Волков (*продолжает держать лист в протянутой руке*). Нет, нет, Евгений Геннадиевич. Это прямые невозвратные расходы по нашему делу при любом дальнейшем развитии событий. Я надеюсь, у нас завтра всё состоится, как запланировали, и я бы хотел, чтобы продолжению нашего сотрудничества не мешали ни малейшие подозрения, ни с чьей

стороны и ни по какому поводу.

Иксов (*берёт лист*). Хорошо, раз Вы настаиваете, давайте посмотрим. (*Начинает изучать представленную на листе информацию*). Вы говорили, что за это решение по нашему объекту должны проголосовать минимум десять человек, а здесь только восемь.

Волков. Да, за исключение этого дома культуры из списка объектов, не подлежащих приватизации, должно проголосовать не меньше двух третей от общего числа депутатов городской думы. По уставу Руграда депутатов в думе должно быть пятнадцать. Значит, за нужное нам решение должны проголосовать десять. Вот я и говорю, что проверенным уже не раз людям сделана предоплата по миллиону с переданной Вами мне рублёвой карточки. На это ушло восемь миллионов, они в этой ведомости и показаны.

Иксов (*с лёгким раздражением в голосе, прищуриваясь*). Михаил Владимирович, но нужно же десять голосов?!

Волков. Да, поэтому с ещё двумя депутатами достигнута договорённость об их положительном голосовании за счёт обещания решить их личные проблемы. Эти два голоса обойдутся дороже: на выполнение этих обещаний уйдёт почти четыре миллиона.

Иксов. Стоило бы подстраховаться и найти ещё хоть одного какого-нибудь депутата. На карточку мы положили пятнадцать миллионов, как Вы просили. Остаётся ещё три.

Волков (*снисходительно-разъяснительно*). Согласен,

Евгений Геннадиевич, согласен. Но где же его взять, какого-нибудь. Этих-то двух еле наскребли. С одним нам просто повезло: матери операция дорогая нужна. А для второй организовали, чтобы сына в СИЗО закрыли. (*Ухмыляется.*) Давно она у меня на что-нибудь подобное запрашивалась. (*Берёт виноградинку с блюда на столе, разжёвывает и проглатывает.*) Я, конечно, дал задание двум нашим депутатам поговорить-поработать с их подчинёнными, которые тоже члены гордумы. Но думаю, что это будет безрезультатно. Неорганизованные депутаты-одиночки – это, скажу я Вам, Евгений Геннадиевич, ещё тот геморрой. Не зря же их городскими сумасшедшими называют.

А остаток на рублёвой карточке так там и останется, не волнуйтесь – мне он не нужен. Обо мне другой разговор.

ИКСОВ. Конечно, конечно, Михаил Владимирович. Помню всё, о чём договаривались. Вот валютная карточка с оговоренной суммой. (*Достает из кармана пиджака конверт, кладёт его на стол и передвигает на сторону Волкова.*) Там внутри вся необходимая информация. Но, уж извините, карточка пока заблокирована. Первая половина суммы станет доступна после завтрашнего нужного решения по объекту, а вторая – уже после того, как я стану его собственником в результате приватизации. (*Берёт фужер с соком и пьёт.*)

ВОЛКОВ (*немного напряжённо*). А как насчёт...

ИКСОВ (*перебывает Волкова и ставит фужер на стол*).
Сын Ваш... Как его зовут?

Волков. Слава. Вячеслав, то есть.

Иксов. Он ведь у Вас, насколько я помню...

Волков (*перебивает Иксова*). Журналист. Хотя, какой он ещё журналист – выпускник журфака, лучше сказать.

Иксов. Правильно я помню. Так, сегодня у нас пятница. Значит, Вячеслав Михайлович в понедельник может прийти в наш отдел кадров, написать заявление о приёме на работу на должность начальника отдела по связям со СМИ и приступить к этим самым связям. Мой зам его проинструктирует.

Волков. Ого, сразу в начальники. Может, Евгений Геннадиевич, лучше постепенно.

Иксов. Так всё у нас сложилось, Михаил Владимирович. Не переживайте, справится. Не бог весть, какие сложности.

Волков. Ладно, Вам виднее. (*Смотрит в окно на куранты.*) М-да, никогда раньше не сидел с видом на Спасскую башню.

Иксов (*улыбается*). Этот свой ресторан мы из-за этого вида и держим.

Волков. Да уж. Статусно и символично. Ну что, обо всём договорились – давайте на посошок! (*Разливает коньяк в фужеры, поднимает свой.*) За Ваше успешное вхождение в наш Руград, Евгений Геннадиевич!

Картина вторая

На электронных часах задника 13—40. Комната свиданий в СИЗО Руграда. По центру сцены стоят два высоких листа оргстекла. Между листами примерно полтора метра, и там ходит туда (удаляясь от зрительного зала) и обратно (лицом к зрительному залу) охранник. Слева от левого стекла за столиком сидит Екатерина Прохоровна Куропаткина с трубкой телефона в левой руке. Напротив неё, справа от правого стекла, за столиком сидит её сын Егор (мужчина лет под сорок боксёрского телосложения) с трубкой телефона в правой руке. Голоса матери и сына слышны в зрительном зале как прослушка их разговора.

Куропаткина (*ласково-успокоительно*). Всё-всё, Егорушка, потерпи, пожалуйста, до понедельника. Выпустят тебя, обещаю.

Егор (*мрачно*). Откуда такая уверенность, мам?

Куропаткина. Все трое, как это, а, потерпевших отзывают свои иски против тебя. Мне вчера их заявления показывали. Они их в понедельник отдадут и тебя выпустят.

Егор (*удивлённо*). Кто показывал?

Куропаткина. Сыночка, дома всё расскажу. Сейчас здесь не надо про это.

Егор (*зло*). Понял! Кто всё это заказывал, тот и показы-

вал!

Куропаткина. Дома, сына, давай всё дома уже.

Егор. Та-а-к! А почему они их только в понедельник отдадут, мам? Почему не сегодня, например?

Куропаткина (*опустив голову*). Егорушка, так надо, так мы договорились.

Егор (*ласково*). Мам, ну-ка посмотри на меня.

Куропаткина (*со слезами в глазах, глядя на сына*). Сыночка, я тебя умоляю, давай дома поговорим про это.

Егор. Всё понятно мне. Можешь ничего не отвечать. Я вспомнил, завтрашняя суббота последняя в месяце, а по последним субботам у вас же сессии думы проходят. Тебя ломают, чтобы ты за что-нибудь нужное ему проголосовала. Для этого меня сюда и засунули! Мам, не делай этого!

Куропаткина (*плачет*). Егор, замолчи, ты всё испортишь!

Егор. Мам, не плачь! И не бойся, я выйду отсюда через суд. Адвокат уверен, потому что, кроме жены и дочки, ещё три свидетеля есть. Они уже дали ему письменные показания, как всё было на самом деле. И в суд придут, и подтвердят. Эти три урода сами нарывались. Да и не бил я их вообще. Так только, для успокоения. Каждому хватило по одному разу.

Куропаткина (*вытирает слёзы*). Егор, не будь идиотом. На нашу семью одной идиотки вполне достаточно.

Егор. Мам, не бойся! Здесь меня никто пальцем не тро-

нет: кто не уважает, тот побаивается. Я тут уже вторую неделю – и ничего. Книги читаю. А анекдотов сколько новых узнал! (*Смеётся.*) С интересными людьми познакомился и общаюсь. (*Приложил палец к губам, а потом очень громко говорит*). И не вздумай отзывать свою жалобу в Генеральную прокуратуру о бездействии городской и областной прокуратур по твоим заявлениям о злоупотреблениях при исполнении городского и областного бюджетов!

Куропаткина (*опять плачет*). Господи, похоже, идиотизм передаётся по наследству.

Егор (*смеётся*). Точно, мам, передаётся.

Охранник (*останавливается между матерью и сыном, говорит в зрительный зал*). Ваше время закончилось.

Куропаткина. До свидания, Егорушка. В понедельник тебя выпустят.

Егор. До свидания, мам. Помни завтра, что я тебе говорил. (*Кладёт телефонную трубку на аппарат и уходит, насвистывая «Тореадор, смелее в бой».*)

Куропаткина (*кладёт телефонную трубку на аппарат и уходит. Говорит сама себе сквозь слёзы*). Всё, Катя! Хватит! Сына хоть пожалей. В понедельник его выпускают, а во вторник отдаёшь заявление о сложении с себя депутатских полномочий. После завтрашнего позора иначе нельзя уже будет.

Картина третья

На электронных часах задника 14–00. Кабинет директора средней школы Татьяны Михайловны Выдриной. Она слева за своим директорским столом, стоящим боком к зрительному залу. За приставным столиком лицом к зрительному залу сидит Тамара Яковлевна Кукушкина, учительница начальных классов в этой школе.

Выдрина. Не волнуйтесь, Тамара Яковлевна, никаких нарушений установленных правил при этом не произойдёт. Ни очерёдность улучшения жилищных условий молодых учителей в нашем городе не пострадает, ни дополнительных затрат из городского бюджета не потребуется.

Кукушкина (*недоумённо*). Как-то это всё на сказку похоже тогда, Татьяна Михайловна.

Выдрина (*с улыбкой*). Всё реально, не сомневайтесь. Мне кажется, что за пять лет работы в нашей школе Вы могли понять, что я человек сугубо практический и сказок не люблю. Не обязательно же всем нуждающимся молодым учителям помогать с жильём только через соответствующую муниципальную программу. Есть ведь и другие способы, внебюджетные.

Кукушкина (*смеётся*). Да-да, у меня масса способов: выгодно выйти замуж, уйти из школы в бизнес, выиграть в ло-

терею...

Выдрина (*перебивает*). Тамара Яковлевна, я говорю о совершенно конкретной возможности, появившейся у Вас. Мне Михаил Владимирович сказал, что с учётом Вашей депутатской деятельности он может помочь оформить Вам ипотеку на однокомнатную квартиру с внесением первого взноса и единовременным предварительным погашением всех процентов по кредиту, а выплату суммы кредита Вы в течение десяти лет осилите даже с Вашей зарплатой учительницы начальных классов.

Кукушкина (*удивлённо*). О, так это сам глава городской администрации обо мне хочет лично позаботиться. (*Улыбается.*) Тогда, действительно, всё реально и может быть внебюджетно. И вообще это не сказка, а мышеловка. Правда ведь, Татьяна Михайловна?

Выдрина (*напряжённо*). Что Вы имеете в виду?

Кукушкина. Учёт господином Волковым моей депутатской деятельности. И что же ему от меня надо за предоставление мне такой сказочно-реальной помощи?

Выдрина. Зря Вы, Тамара Яковлевна, так взвываетесь при одном упоминании о Михаиле Владимировиче. Уж не знаю, что там между вами произошло на самом деле. Но в данном случае это не столько ему от Вас нужно, сколько нашей депутатской группе...

Кукушкина (*ехидно*). Хорошо, Татьяна Михайловна, считайте, что у Вас получилось переключить меня с Волкова на

ваш групповой «Любимый город». Вам-то что от меня на этот раз понадобилось?

Выдрина. Тамара Яковлевна, я просто напомним сначала, что когда мы в очередной раз предлагали Вам стать членом нашей группы, а Вы в очередной раз отказались, мы же всё-таки достигли соглашения о возможности переговоров о Вашем солидарном голосовании с нашей группой по конкретным вопросам. Так же, Тамара Яковлевна?

Кукушкина. Так. Договаривались. О каком конкретном вопросе сейчас речь?

Выдрина. Ну, Вы же уже опытный депутат и наверняка сами поняли о каком. У нас необходимость вести подобные переговоры возникает только тогда, когда для принятия нужного нам решения необходимо иметь две трети голосов. В повестке завтрашней сессии такой вопрос один.

Кукушкина. А, ясненько. Наш «Железнодорожник» продать хотите.

Выдрина. Ну почему сразу продать. Приватизировать можно ведь разными способами...

Кукушкина (*зло*). Хотите продать, но для этого Вам меня купить сначала надо.

Выдрина (*возмущённо*). Что Вы такое говорите, Тамара Яковлевна!

Кукушкина (*повышая голос*). Скорее всего, уже продали. Продались и продали! Так же, Татьяна Михайловна?

Выдрина (*почти кричит*). Прекратите немедленно. Не

забывайте, что Вы в кабинете директора школы, в конце концов.

Кукушкина (*ехидно-спокойно*). А это уже злоупотребление служебными полномочиями с целью оказания давления на депутата представительного органа. (*Встаёт.*) Я же Вам уже полтора года назад объяснила, и вроде бы Вы поняли тогда... Ха-ха. «Сроду такого не бывало, и вот опять». Повторяю, Татьяна Михайловна, пока я депутат, Вы со мной как директор ничего сделать не сможете. Так что терпите ещё два года. А потом я и сама уйду из этой школы. (*Уходит из кабинета.*)

Картина четвёртая

На электронных часах задника 14–15. Рябчиков прогуливается с матерью в инвалидной коляске во дворе многоквартирного дома.

Мать. Что у тебя сегодня в киноклубе, Олег?

Рябчиков. Продолжаю ретроспективу экранизаций Чехова. Сегодня показываю «Дядю Ваню» в постановке Кончаловского.

Мать. Замечательный вариант. Смоктуновский, Бондарчук, Мирошниченко, Купченко... Да вообще всё гениально...

Рябчиков. Хочешь посмотреть? Я всё устрою.

Мать. Нет, не надо. Сколько можно. Я этот фильм наизусть помню. Давай лучше в выходные дома посмотрим ещё раз туминосковский спектакль в Вахтанговском. Потом поговорим-посравниваем.

Рябчиков. Ладно, давай. А тебе какая чеховская фраза оттуда вспоминается чаще всего?

Мать. Там очень много хороших... Антон Павлович лишнего не пишет... Вот, например, в последнее время, когда смотрю новости по телевизору, часто всплывает, как молодая жена профессора говорит дяде Ване: «Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро, благодаря вам, на земле

не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою».

Рябчиков. Поменьше смотри телевизор. Лучше в интернете новости читай. Ты же уже там хорошо бродишь.

Мать. Брожу, брожу. Иногда перебродить эти потоки очень неприятно. Но с теленовостями полезно сравнивать. Так что это ты зря телевизор не смотришь.

Рябчиков. Может быть, ты и права...

Мать. А тебе что из «Дяди Вани» часто вспоминается?

Рябчиков *(после довольно продолжительной паузы)*. Доктор Астров там, когда на фабрику по вызову уходит, говорит: «У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями... Так это я».

Мать. Олег, опять. Зачем ты себя грызёшь? За что? Ты умный, порядочный мужчина. У тебя хорошая семья. Ты творческий человек – вот, например, киноклуб создал и ведёшь. Тебя депутатом выбрали. Не надо так о себе думать. *(Смеётся.)* Да и усов у тебя нет.

Рябчиков. Вот. У меня даже усов нет. Не говоря уже о способностях... Но кое на что я оказался всё-таки способен... Надеюсь, что всё состоится.

Мать. Ты о чём?

Рябчиков. Всё, набирается нужная сумма на твою операцию. В понедельник буду связываться с немцами – пусть ставят в очередь и назначают срок предоплаты. Через полгода максимум снова ходить будешь.

Мать (*радостно*). Вот это новость! Вот видишь, а ты так про себя говоришь... (*С недоумением в голосе.*) Постой-ка. А деньги такие откуда вдруг взялись?

Рябчиков. Mam, вовсе не вдруг. Я же тебе рассказывал, что в несколько десятков разных организаций обратился за помощью. Вот один благотворительный фонд и выделил.

Мать. Олег, а что ты за это должен будешь сделать?

Рябчиков. Да практически ничего. Это их общее условие. Я должен буду съездить в Москву к ним и выразить благодарность фонду под видеозапись. Ну и дать письменное согласие на использование твоей фамилии и краткой истории болезни и выздоровления в информации о фонде. Ты ведь не возражаешь против этого?

Мать. Нет, конечно, что ты! А чей это фонд? Как называется?

Рябчиков. Mam, у них есть ещё одно общее условие: пока не достигнут бесспорно положительный эффект от оказанной помощи получатель средств не имеет права разглашать эти сведения. Вот прооперируют тебя, встанешь на ноги, я тогда всё-всё и расскажу.

Картина пятая

На электронных часах задника 14–20. Кабинет заведующей Руградской поликлиники Ангелины Николаевны Лисиной. Она за своим директорским столом, лицом к зрительному залу. За приставным столиком справа сидит Константин Иванович Воробьёв, лор-врач этой поликлиники. Оба в идеально белых халатах.

Лисина. Константин Иванович, Вы, конечно, знаете, что Нина Степановна у нас теперь уже окончательно уходит на пенсию. То есть и работать перестанет.

Воробьёв. Да, я деньги на подарок ей тоже сдавал.

Лисина (*улыбается*). Ну, это само собой. Но я Вас пригласила для разговора о замещении образующейся в связи с этим вакансии на должность заведующего лор-отделением.

Воробьёв. Так у Нины Степановны же заместитель есть. Разве замещение этой вакансии произойдёт не на автомате? Ой, извините, Ангелина Николаевна, за молодёжный слэнг. Я имел в виду...

Лисина (*улыбается*). Я поняла, не волнуйтесь. У меня дочь Вашего возраста, и не даёт мне отстать от жизни. Но Николая Николаевича вряд ли назначат на это место. У него есть одно нехорошее качество... Впрочем, что я Вам рассказываю, Вы и сами, наверняка, не раз уже видели его в нера-

бочем, мягко говоря, состоянии... Между нами говоря, если бы не это его качество, то Нина Степановна была бы у него в заместителях, а не он у неё.

Воробьёв. Да, пожалуй, это обстоятельство ломает автоматический кадровый процесс. *(Пауза.)* Вы хотите узнать моё мнение, кого я считаю достойной кандидатурой в нашем отделении?

Лисина *(улыбается)*. Нет, я хочу Вам сообщить, что есть мнение, что заведующим лор-отделением надо назначить Вас.

Воробьёв *(удивлённо)*. Меня!? Да я же самый молодой и неопытный врач у нас! Что Вы, Ангелина Николаевна!

Лисина *(улыбается)*. Ну, молодость – это, как известно, такой недостаток, который со временем неизбежно исчезает. А насчёт неопытности... Вы себя недооцениваете, Константин Иванович. Да, Вы у нас ещё в списках молодых специалистов состоите. Но за семь лет своей работы у нас после мединститута Вы стали самым востребованным лор-врачом в городе. И в нашей поликлинике в регистратуре все стремятся именно к Вам на приём попасть. И в частном медцентре Вас уже уговорили работать по совместительству. Да и депутатом городской думы кого попало не выбирают.

Воробьёв. Спасибо, конечно, за столь лестные слова в мой адрес с Вашей стороны. Хотя, если без ложной скромности, то профессионально я, конечно, уже состоялся. Это трудно уже не признавать. Но как доктор. А за отделением

же ещё и администратор, управленец какой-никакой должен быть. Но в этом-то я нуль полный. А никаким администратором мне совсем быть не хочется.

Лисина (*улыбается*). И этот недостаток тоже неизбежно исчезает: течёт время и появляется опыт. Надо только понять, что управление – это командный процесс. Не в том смысле, конечно, что управлять значит командовать. Нет, разумеется. А в том смысле, что каждый эффективный управленец должен чувствовать себя членом единой команды. Надо уметь работать в команде. Соблюдать командные интересы.

Воробьёв (*настороженно*). Я понимаю, но...

Лисина (*перебивает без улыбки*). Честно Вам скажу, Константин Иванович, чтобы мне согласовать наверху Ваше назначение, важно, чтобы Вы продемонстрировали умение работать в команде.

Воробьёв. Ангелина Николаевна, но разве моя хорошая работа врачом не является доказательством этого.

Лисина (*без улыбки*). Конечно же, является. Но это, так сказать, используя военную терминологию, Ваше умение на позиции рядового. А надо бы показать себя с этой стороны на позиции руководителя.

Воробьёв. Но я же сейчас рядовой врач, как я могу...

Лисина (*без улыбки*). Константин Иванович, в этом смысле логично будет использовать Ваш депутатский статус.

Воробьёв (*настороженно*). Как Вы это себе представля-

ете, Ангелина Николаевна?

Лисина *(без улыбки)*. Всё очень просто, Константин Иванович. Достаточно продемонстрировать Вашу способность к солидарному голосованию с большинством по самым важным вопросам.

Воробьёв *(напряжённо)*. А... Начинаю понимать, начинаю понимать... Самые важные вопросы – это, например, какие?

Лисина *(без улыбки)*. На этот счёт есть простой критерий, зафиксированный в Уставе Руграда: по самым важным вопросам городская дума принимает свои решения двумя третями голосов. Например, на завтрашней сессии есть такой вопрос.

Воробьёв *(напряжённо)*. Понимаю, понимаю. Я, правда, повестку завтрашней сессии ещё не смотрел. Но завтра приду, посмотрю, сориентируюсь...

Лисина *(улыбается)*. Вот и хорошо, Константин Иванович, вот и договорились. И давайте в понедельник закончим наш разговор о новом зав-лор-отделении, а то у меня в три уже приём по личным вопросам начинается.

Воробьёв. До свидания, Ангелина Николаевна. *(Встаёт и уходит.)*

Картина шестая

На электронных часах задника 14–30. За столом в кафе-столовой лицом к залу сидит Сеницына, справа – Сорокина, слева – Кукушкина. На столе подносы с едой. Сидят-едят-разговаривают.

Сеницына. Да-а-а... Следи теперь, Тамарка, чтобы наша выдра тебя из списка учителей на улучшение жилищных условий через муниципальную программу не вычистила.

Кукушкина. Не, это ей не по силам. Так, мелкие пакости в школе будет продолжать. Но я к этому уже приспособилась.

Сорокина. Смотри, она тебе эти пакости так выстроит, что Лизино предупреждение сбыться может, но в более мягкой форме.

Кукушкина. Как это?

Сорокина. Просто очень. Влепит тебе пару выговоров. Устроит жалобы от родителей учеников. А потом поставит вопрос о перемещении тебя в конец списка. Так сказать, в воспитательных целях.

Сеницына. Ладно, Валя, хватит её пугать. Надо нам просто обеспечить, чтобы Тамара Яковлевна помощь по программе получила до истечения срока своих депутатских полномочий.

Кукушкина. Не надо ничего такого специально мне обес-

печивать – пусть всё идёт, как положено.

Сорокина. Том, с нами-то хоть не хорохорься. И слушай, что старшие товарищи тебе говорят.

Кукушкина. Девушки, я вам не для того свой разговор с Выдриной пересказывала, чтобы мы тут мой квартирный вопрос обсуждали. Давайте лучше прикинем, наберут завтра наши любимцы десять голосов за продажу ДК или нет. Вот ради чего я пообедать вместе предложила.

Синицына. Бухгалтерия тут несложная. Восемь членских голосов у «Любимого города» всегда в наличии. Из оставшихся семи депутатов вычитаем нас. Остаётся четверо. Вот про них и надо понять: охмурили их любимцы или нет.

Сорокина. Рябчикова тоже можно вычесть – где ему ещё в Руграде дадут киноклуб свой вести.

Кукушкина. Согласна.

Синицына. У Журавлёва два внука в шахматном кружке «Железнодорожника» занимаются. Один уже областные турниры выигрывает... А шахматами в Руграде больше негде заниматься.

Сорокина. Вот как. Я и не знала. Тогда и его тоже можно вычесть.

Кукушкина. Замечательно. И Куропаткину вычитаем. Она же надо мной первый мой депутатский год, можно сказать, шефствовала, как самый опытный над самым неопытным. Екатерина Прохоровна много чего мне рассказывала. Так вот, она мне и про то, как формировался список муни-

ципальных объектов, не подлежащих приватизации, говорила. Это было в её первый депутатский срок. А сейчас она у нас уже... Пятый, получается. Девчонки, она, наверно, рекордсменка у нас в стране. Надо попробовать выяснить как-нибудь это.

Синицына. Том, не отвлекайся. Почему ты считаешь, что её можно вычеркнуть?

Кукушкина. Да я хорошо помню, как она мне, как раз на примере включения ДК «Железнодорожник» в этот список, иллюстрировала необходимость учёта мотивов каждого депутата по каждому вопросу. Она сама тогда предложила внести ДК в список и провела это решение через сессию. А Екатерина Прохоровна своего мнения никогда не меняет. Вы же знаете.

Сорокина. Не забывайте, девушки, что Егор Куропаткин, завкафедрой физвоспитания нашего института, уже вторую неделю в СИЗО сидит за драку. Сдаётся мне, что его специально спровоцировали, чтобы потом мать шантажировать и торговаться с ней. А поставьте себя в такую ситуацию... На всё человек может согласиться...

Синицына. Сегодня вечером у нас бюджетная комиссия собирается, а Куропаткина член комиссии, так что я уже точно буду знать её позицию ещё до сессии.

Сорокина. Остаётся твой доктор, Томочка.

Кукушкина. Чего это он вдруг мой!?

Синицына. Твой-твой, не отпирайся. Он давно уже весь

твой.

Кукушкина. Да ладно вам. Ну да, дружим мы.

Сорокина. До сих пор ещё только дружите!

Кукушкина. Так, девочки, у нас другая тема.

Синицына. А по теме я так скажу: Костик наш в депутатские дела никогда сам глубоко не погружается – готовится к сессиям ему некогда, он же людей лечит, это остальные депутаты разной ерундой занимаются.

Сорокина. Лиз, ну чего ты на нашего воробушка набросилась?!

Синицына. А того! Приходит на заседания ни разу не образованный ни по одному вопросу повестки и ориентируется на других. Лисина с ним побеседует, например, сегодня – станет девять негрятят завтра. В смысле – вот вам и девятый голос у любимцев.

Сорокина. Да понимаем мы про что ты, не злись.

Кукушкина. Хорошо, девочки. Я поговорю с Костей сегодня вечером. Он меня в кино пригласил.

Синицына. Чудненько. Тогда полная гарантия. Я уже с полгода как замечаю, что Костик наш голосует, как Тамара Яковлевна. Если он, конечно, знает, как она голосует...

Сорокина. Кстати, о форме голосования. Хотя по нашим подсчётам десять голосов они не наберут, но всё равно стоит подстраховаться. Надо обеспечить завтра по этому вопросу поимённое голосование с выступлением каждого депутата по мотивам голосования.

Синицына. Это мы обеспечим, это у нас отработано – никуда они не денутся. Я вообще предлагаю сделать максимально нервным обсуждение этого вопроса. Я бы даже сказала – скандальным.

Кукушкина. А по-другому и не получится. Всё, мне бежать уже надо – у нас методсовет в школе полчетвёртого.

Синицына. Да-да, а мне в налоговую идти. Пока, девчонки.

Сорокина. До завтра.

(Расходятся.)

Картина седьмая

На электронных часах задника 16–55. Комната в квартире. Средняя часть центральной стены превращена в балетный станок с огромным зеркалом. Справа от зеркала – дверной проём, закрытый переливающимися разноцветными лентами. Слева от зеркала висит большая репродукция картины Э. Дега «Танцовщица в артистической уборной» (1879). Николай Константинович Филин, на нём только трусы в стиле плавки, снимает с разложенного дивана лёгкое одеяло, простынь, две подушки, складывает их на стул, стоящий у левой стены комнаты перед диваном, а потом собирает диван, который после сборки оказывается чуть левее репродукции картины. Звучит голос Веры, любовницы Филина: «Коко, ты готов?». Филин садится на середину дивана, потом смотрит на себя в зеркало, вскакивает, берёт со стула простынь, заворачивает себя в неё как в тогу и возвращается на середину дивана.

Филин (кричит). Верочка, давай!

(Включается песня «Жил был я» Давида Тухманова на стихотворение Семёна Курсанова «Строки в скобках» в исполнении Валерия Ободзинского. Из дверного проёма, раздвигая ленты, появляется стройная, красивая Вера (лет двадцати пяти) в эротическом костюме и профессионально ис-

полняет под песню оригинальный балетный танец перед Филиным, отражаясь в зеркале балетного станка.

Жил-был – я.

(Стоит ли об этом?)

Шторм бил в мол.

(Молод был и мил...)

В порт плыл флот.

(С выигрышным билетом

жил-был я.)

Помнится, что жил.

Зной, дождь, гром.

(Мокрые бульвары...)

Ночь. Свет глаз.

(Локон у плеча...)

Шли всю ночь.

(Листья обрывали...)

«Мы», «ты», «я»

нежно лепеча.

Знал соль слез

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.